

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7126>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

УЧАСТИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННЫХ ЧИНОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 30-Х ГГ. XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ТЕНГИНСКОГО ПОЛКА)

Юрий Клычников

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>e-mail: klichnikov@mail.ru

Аннотация: Среди военнослужащих Отдельного Кавказского корпуса встречались и выходцы из Польши. Обстоятельства их появления в регионе были различными. Сюда отправляли попавших в плен солдат и офицеров ликвидированной армии Царства Польского, а также лиц, распределённых согласно конскрипционным спискам и т.п. Направлялись они в разные части, но особенно много их попадало в Тенгинский полк, считавшийся наиболее подходящим для «исправления» неблагонадёжных. Полк принимал активное участие в боевых действиях, привлекался к строительству цепи укреплений на Черноморском побережье Кавказа. За это участники сражений, в числе которых упоминаются и поляки, были отмечены командованием и лично императором.

Ключевые слова: поляки, солдаты, укрепления, горцы, Кавказ

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

THE PARTICIPATION OF POLISH MILITARY OFFICIALS IN THE HOSTILITIES IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 30S OF THE 19TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE TENGIN REGIMENT)

Yuriy Klychnikov

Pyatigorsk State Universty, Pyatigorsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

e-mail: klichnikov@mail.ru

Abstract: Among the servicemen of the Separate Caucasian Corps, there were also immigrants from Poland. The circumstances of their appearance in the region were different. The captured soldiers and officers of the liquidated army of the Kingdom of Poland, as well as persons distributed according to conscription lists, etc., were sent here. They were sent to different units, but a lot of them were assigned to the Tengin Regiment, which was considered the most suitable for reforming the “unreliable ones”. The regiment took an active part in hostilities and was involved in the construction of a chain of fortifications on the Black Sea coast of the Caucasus. For this, the participants in the battles, including the Poles, were decorated by the command and personally by the emperor.

Keywords: Poles, soldiers, fortifications, mountaineers, Caucasus

Начало 30-х гг. XIX в. на Северном Кавказе ознаменовалось обострением военно-политической ситуации, вызванным распространением среди местных племён идей мюридизма, вокруг которых спланивались наиболее непримиримые противники русской власти. Всё это потребовало от командования усиления частей, расположенных в регионе. Одним из источников пополнения стали польские военнослужащие, многие из которых ранее служили в частях польской армии, попали в плен и были отправлены служить уже под новыми знамёнами на Кавказ.

По данным на 1832 г. сюда прибыло 1017 «военнопленных поляков», которых предстояло распределить между различными частями Отдельного Кавказского корпуса. Были и те, кто поступил на службу добровольно, очевидно, рассчитывая на карьерный рост и получение приличного казённого

содержания. Таких было 669 человек. Кроме того, здесь оказалось и 5386 военнослужащих расформированной Польской армии, передислоцированных на беспокойный фронт, подальше от прежнего места жительства. За их счёт будут пополняться местные части и в последующие два года. В 1833 г. их будет 3896, а в 1834 г. 801 человек [РГИА, Ф.932. Оп.1. Д.51. Л.2]. В дальнейшем поляки станут служить в имперской армии согласно конскрипционным спискам и к середине 40-х гг. обеспечат личным составом десятую часть корпуса [Нечитайлов 2021].

Учитывая обстоятельства, при которых они оказались в самой воюющей части армии Российской империи, командование старалось отправлять их в те полки, которые считались наиболее надёжными и боеспособными. Наличие общего с русскими неприятеля и те опасности, с которыми предстояло столкнуться полякам, давали властям повод рассчитывать на скорую ресоциализацию этих людей. Как показывал опыт, случаи дезертирства были скорее исключением, чем правилом, и большинство военнослужащих, прибывших из Польши, сохраняли верность присяге.

На хорошем счету у командования был Тенгинский полк, характеризуемый «самым исправным из кавказских полков» [Марченко 1984, 293]. Командовавший им в тот период подполковник Тихон Тихонович Лисаневич обладал, помимо прочих умений, ещё и педагогическим талантом, что позволяло ему находить общий язык с самым разным контингентом из числа своих подчинённых. Он старался не злоупотреблять наказаниями, даже если по уставу вина солдата считалась бесспорной. Так, столкнувшись с фактами дезертирства, когда в 1831 г. часть незаконно покинули 131 человек, он потребовал от ротных командиров «употреблять вместо строгости кротость и благонравие; доводить к познанию порядка военной службы постепенно, но не вдруг требовать от них всего» [Ракович 1900, 107].

Для недавно призванных рекрутов армейская жизнь была непривычной и тягостной. Стрессовая ситуация усиливалась ещё и военной обстановкой, когда в любой момент приходилось опасаться неожиданного нападения неприятеля. От своих офицеров подполковник хотел видеть такие меры, при которых «каждого солдата нужно иметь у себя на замечании, особенно из определённых вновь бродяг, преступников и рекрутов, коим первоначально даже не должно давать свободы к тайным разговорам с людьми, подвергшими себя неоднократным наказаниям; они подговаривают и других к сделанным ими порокам» [Ракович 1900, 107]. Это снижало вероятность побега, позволяло достигнуть взаимопонимания с новичками. Командир Тенгинского полка хотел, чтобы все его подчинённые знали об имевшийся

у них возможности исправить свои проступки, а «милость императора простирается даже на самых закоренелых злодеев, и вы хорошим поведением и усердием к службе не можете лишиться права на внимание высшего начальства» [Ракович 1900, 107]. Видимо, неслучайно в его часть стали присылать польское пополнение, рассчитывая, что здесь с ним будут налажены конструктивные отношения. Будут периоды, когда в полку не менее трети личного состава будет считаться «неблагонадёжными», что не помешает этому подразделению выполнять ответственные и трудные приказы командования [Ульянов 1996, 217; Ракович 1900, 169].

Т.Т. Лисаневич постарался, чтобы его новые подчинённые были обеспечены всем необходимым, и не делал различия между ними и солдатами из других губерний России. Он потребовал, чтобы рядовые не подвергались притеснениям и насмешкам за их прошлые проступки. Следовало мерами «кротости и благоразумия» добиваться исправления «их нравственности», при этом, не забывая о дисциплине [Ракович 1900, 108]. Отметим, что такой подход к полякам практиковался не только в Тенгинском полку. Уже по пути следования на Кавказ в отношении этих военнослужащих действовала директива, согласно которой к «военнопленным, как со стороны твоей, равно и всего конвоя, отнюдь никаких обид не чинить» [РГВИА, Ф.13454. Оп.5. Д.462. Л.22 об.]. Наличие таких приказов наводит на мысль об имеющихся предубеждениях к выходцам из Польши, но связано это было не с официальной политикой властей, а с настороженным отношением в российском обществе к вчерашним противникам. Сказывалась и враждебность со стороны некоторых польских солдат и офицеров, не смирившихся со своим положением [ГАРФ, Ф.109. Оп.7. Д.406. Л.2].

Безусловно, насильственное привлечение к службе не добавляло полякам желания сохранять верность монархии, которую они считали поработителем своей отчизны. Это служило дополнительным аргументом для тех, кто, не выдержав тягот армейских будней, собирался дезертировать и найти приют у «немирных» горцев. Они были уверены, что об их положении хорошо известно среди местных племён. Недаром, сдаваясь в плен, они спешили сообщить о своей национальной принадлежности. Кто-то действительно затем начинал сражаться против российской армии в рядах её противников, но немало было и тех, кому пришлось сделаться рабами, горько разочаровавшись в подобных «союзниках» [Лапинский 1995, 144, 285]. Молва преувеличивала число таких перебежчиков и формировала негативный имидж поляков. Преодолеть эти фобии можно было лишь в процессе совместной службы, когда общая опасность сблизила бы вчерашних антагонистов.

В конце зимы 1831 г. в полк прибыло 95 бывших польских пленных, которых потребовалось срочно снабдить необходимой формой. Вплоть до начала марта эта задача считалась приоритетной, т.к. «многие из них продолжали ещё носить обмундирование бывшей польской армии, иные же ходили в крестьянских кафтанах и другой одежде», не соответствующей их новому статусу [Ракович 1900, 107–108]. И уже скоро им предстояло наравне с прочими тенгинцами принять участие в изнурительной и полной опасностей «малой войне» против горцев.

Отметим, что проблема обмундирования будет и дальше считаться одной из самых болезненных. Каждый поход будет заканчиваться сильной изношенностью одежды и обуви, а средств на её починку и приобретение новой не хватало. В полковом архиве сохранилась информация о том, что уже после первого похода многие солдаты вернулись с обмотанными кусками бурки ногами, т.к. их сапоги пришли в полную негодность. Больше всего от этого страдали поляки и декабристы, которые также оказались высланными на Кавказ. Они «в большинстве случаев люди очень бедные, без всяких посторонних средств» [Ракович 1900, 136]. Командир полка вынужден был просить выдать ему дополнительные полушубки «в счёт отпуска будущего года» и приказал тем ротам, которые не участвуют в боевой операции, передать своим товарищам собственную тёплую одежду [Ракович 1900, 136–137]. Представляется, что такое решение укрепляло боевое братство однополчан, формировало из них единую семью. Этим и отличались кавказские полки от прочих подразделений императорской армии, которым не пришлось пройти через горнило непрестанной войны [Лапин 2008, 279].

В дальнейшем число поляков в полку возросло до 500 человек [ГАРФ, Ф.109. Оп.7. Д.406. Л.1 об.]. К 1837 г. в полку числилось 83 военнослужащих из числа попавших в плен выходцев из Царства Польского [Ракович 1900, 83]. Остальные, видимо, прибывали сюда уже по конскрипционным спискам.

В полковой документации не акцентировали внимание на том, военнослужащие какой национальности принимали участие в тех или иных боестолкновениях. Отсюда невозможность выявить факт участия именно поляков в каждом конкретном деле. Но то, что они принимали участие во многих операциях, нет основания подвергать сомнению. Тенгинцев часто привлекали к выполнению различных заданий, в которых успели отличиться абсолютно все роты. К числу приоритетов относилась охрана и оборона границы от набегов «хищнических» партий. Они регулярно пытались пробраться вглубь Линии с целью грабежа и захвата пленников.

Между тем в полк постоянно прибывали новички, которым только предстояло узнать все тонкости службы. Для эффективного противодействия замыслам опытного противника приходилось обучать новобранцев всем особенностям войны с мобильными отрядами противника, прежде всего, уделив внимание меткой стрельбе. Немало хлопот доставляли и болезни, которые были особенно опасны для людей, ещё не прошедших процесс акклиматизации. Сказывалась непривычная пища, особенно фрукты, употребление которых нередко приводило к желудочно-кишечным заболеваниям. От офицеров требовали проводить с нижними чинами разъяснительные беседы, поддерживать их в этот непростой период. Если же спасти заболевшего не удавалось, командир требовал отдать ему последние почести в соответствии со «своим обрядом церкви и с должным почтением», что было важно для католиков, оказавшихся в преимущественно православном окружении [Ракович 1900, 91].

По инициативе И.Ф. Паскевича в октябре 1830 г. началось масштабное наступление вглубь черкесской территории, прежде всего, против многочисленного племени шапсугов. Этот генерал надеялся, что одним ударом он сможет покорить непокорные народы и победно завершить затянувшееся противостояние [Потто 1994, 6–7]. Но столь оптимистичный план оказался не реализован. Горцы отступали перед превосходящими силами неприятеля, а потом возвращались на временно покинутые территории. Между тем в столкновениях с ними российский отряд нёс потери, и за десять дней экспедиции только Тенгинский полк потерял убитыми 4 и ранеными 32 человека [Ракович 1900, 95]. Компенсировать убыль приходилось за счёт недавно присланных рекрутов, потребность в которых сохранялась постоянно. Тем временем натиск на пограничье в 1831 г. только усилился, что приводило к новым жертвам среди личного состава, который нёс службу на многочисленных секретах и караулах, расположенных на Кубанской линии. Привлекали тенгинцев и к охране курортов Пятигорья, где поселились женатые солдаты полка.

Успехи набегчиков приводили к тому, что лояльные ещё вчера поселения начинали поддерживать своих беспокойных сородичей. Для того чтобы ослабить их натиск, решено было организовать экспедицию вглубь горских территорий и наказать неприятеля за его хищничество. Эти акции сопровождались перестрелками и уничтожением покинутых жителями домов. Не стала исключением и операция, проведённая в ноябре 1831 г., завершившаяся разорением аула нелояльного к властям абазинского князя Али-Мурзы Лоова. Её сочли удачной и наградили отличившихся участников. Но и после

завершения этого похода тенгинцы без дела не остались. Одна из рот была отправлена на истребление шайки беглых дезертиров, терроризировавшей своими грабежами местных жителей [Ракович 1900, 104–105].

Это наполненная тревогами и опасностями служба становилась привычной и даже рутинной для опытных солдат. Но для вновь прибывшего пополнения такие экспедиции были серьёзным испытанием. До конца 1832 года, считавшегося спокойным, полк потерял ещё несколько солдат и офицеров (в их числе командира батальона), которые стали жертвами нападений противника на пограничные посты. Нередки были ранения, полученные в ходе боестолкновений. При этом тенгинцами освобождались пленники, захваченные хищниками. Личный состав непрестанно проводил учения, и новички, среди которых было немало поляков, быстро осваивали воинскую науку, стремясь не уступать старослужащим солдатам.

В конце июля 1833 г. часть на короткое время возглавил подполковник Иван Данилович Шостенко, при котором полк из трёхбатальонного превратился в пятибатальонный. В марте 1834 г. его сменил подполковник Василий Алексеевич Кашутин, на время командования которого выпадает активизации усилий российского командования по усмирению «немирных» горских обществ и закрепление пограничной Линии на новых рубежах.

Три батальона Тенгинского полка были привлечены к строительству дороги от Ольгинского укрепления к Геленджику. Она проходила по горской территории и должна была обеспечить связь с укреплениями на Черноморском побережье. Начавшийся 4 августа 1834 г. поход сразу же показал, что неприятель будет всячески препятствовать воплощению в жизнь замысла командования. Обстрелы, рукопашные схватки чередовались с трудными инженерными работами, когда приходилось засыпать заболоченные места и вырубать мешавшую растительность. Об интенсивности противостояния говорит тот факт, что к 21 августа отряд потерял двух офицеров и 12 нижних чинов убитыми, один офицер и 49 солдат были ранены. Это была цена за возведение промежуточного Абинского укрепления, ставшего важным форпостом, обеспечивавшим бесперебойную работу будущей важной коммуникации. И в дальнейшем бои продолжались с серьёзными потерями для обеих сторон. Горцы стремились помешать строительству, а русские, в свою очередь, отесняли их от возводимого укрепления.

После того как работы были завершены к 10 октября, в Абинском осталась часть тенгинцев, а остальные двинулись дальше к Геленджику. Этот изнурительный переход длился почти две недели, и лишь 23 октября отряд вышел к конечной точке маршрута. Оставив здесь раненых и пополнив

запасы провианта, генерал А.А. Вельяминов отдал приказ выдвигаться обратно. Вновь начались жаркие перестрелки, и войскам то и дело приходилось прорывать горские заслоны. Ко 2 ноября отряд дошёл до Абинского укрепления, где 3-й батальон Тенгинского полка был оставлен в качестве гарнизона на всю зиму.

В дальнейшем тенгинцам придётся регулярно участвовать в таких экспедициях. Привлекались они и к набегам, которые устраивал на «немирные» аулы начальник Кубанской линии генерал Г.Х. Засс. Он был известен своей удалью, воинским мастерством и характеризовался как человек «замечательно храбрый, но благоразумно осторожный» [Ракович 1900, 137]. Участники операций получали неоценимый опыт малой, или партизанской войны. Помимо участия в боевых операциях, личный состав занимался чтением воинских артикулов, проводил строевые занятия. Условия для этого отсутствовали, что приводило к дефициту грамотных офицеров, не говоря уже о солдатах. Учитывая, что многие поляки ранее уже получили образование, это открывало для них широкие возможности для карьерного роста [Матвеев 2015, 236–237]. Сохранилась отрывочная информация об их успешном продвижении по служебной лестнице в других полках, а потому резонно предположить, что аналогичная ситуация была и среди тенгинцев [РГИА, Ф.932. Оп.1. Д.51. Л.3, 5–6 об.].

Начавшийся 1835 г. вновь был наполнен походами и сражениями. Дальнейшее обустройство Черноморской линии сопровождалось регулярными столкновениями с горцами, в которых отличились и воины Тенгинского полка. Одних только Георгиевских крестов за это было получено 32 награды. «За отличие, оказанное в зимнюю экспедицию 1834–1835 годов» был награждён Юзеф Бруницкий [Ракович 1900, Приложения 51]. Существенно возрос уровень боевой подготовки личного состава.

Столь же насыщенным испытаниями стал и следующий, 1836 г. Масштабное наступление, задуманное и осуществлённое А.А. Вельяминовым, в очередной раз подтвердило высочайший авторитет полка. Скупой на похвалы, генерал счёл своим долгом «засвидетельствовать пред высшим начальством об отличной храбрости и примерной ревности командира Тенгинского полка и всех его подчинённых» [Ракович 1900, 150]. Одна из рот активно привлекалась Г.Х. Зассом для его стремительных рейдов против «немирных» горских поселений.

Примечательно, что среди награждённых за участие в боевых действиях в этом году встречается фамилия капитана Дзвонкевича, которому было

объявлено монаршее благоволение. Резонно предположить польское происхождение этого офицера, который и в дальнейшем будет фигурировать в наградных списках полка.

Строительство береговых укреплений будет завершено к 1842 г., хотя очертания самой Линии проявились уже в 1837 г. Крепости должны были препятствовать контрабандной торговле, связанной, среди прочего, с вывозом рабов на территорию Турции. Служба в гарнизонах этих крепостей считалась гибельной, т.к. непривычный климат, скудная и однообразная пища, частые нападения со стороны неприятеля приводили к высокой смертности среди солдат и офицеров [Клычников 2002, 479–482]. Были здесь и чины Тенгинского полка, в том числе выходцы из Польши.

Принимать новую Линию прибыл лично император, который в 1837 г. с инспекционными целями посетил Кавказ. Среди прочих воинских частей, собранных в Геленджике, удостоились высочайшего внимания и тенгинцы, со славными делами которых государь имел возможность ознакомиться из рапортов местного командования. Среди награждённых за ратные подвиги звучали фамилии Миткевича, Рацынского, Левандовского, отличившихся в недавних сражениях против горцев [Ракович 1900, 167]. В наградных документах не указывались ни национальность, ни вероисповедание этих людей, но такие фамилии встречаются среди поляков достаточно часто, что даёт основание отнести вышеназванных офицеров к их числу.

Редкие периоды затишья старались скоротать, проводя различные весёлые пирушки, сопровождавшиеся музыкой и танцами. Примечательно, что «на всех этих вечеринках обязательно присутствовали сосланные и разжалованные; с ними все обращались вежливо и чисто по-товарищески» [Ракович 1900, 168]. Всё это позволяло снижать взаимные предубеждения, которые, безусловно, имелись среди личного состава полка, учитывая весьма непростой контингент, собранный в нём. К числу «ненадёжных» по официальной статистике относили 1348 человек, в том числе 83 поляка из пленных.

Но, как и прежде, это не мешало активно задействовать Тенгинский полк при строительстве новых укреплений на побережье. Командование посчитало, что уже имеющихся крепостей недостаточно для надёжной блокады этой территории. В течение 1838 г. часть проводила работы в устье рек Туапсе и Шапсухо. Выстроенные форты были названы Вельяминовским и Тенгинским. И вновь среди награждённых, среди прочих, были отмечены Дзвонкевич, Пршигодский, заслужившие награды и монаршее благоволение.

Судя по тому, что командир полка пошёл на повышение, его часть находилась на хорошем счету у руководства. На смену Кашутину в ноябре 1838 г.

был прислан подполковник Пётр Васильевич Выласков, с которым тенгинцы в апреле следующего года приняли участие в высадке десанта близ устья реки Субаши. Эта была одна из сложнейших боевых операций, когда контратаковавшие горцы не раз были близки к тому, чтобы сбросить десант в море. По итогам боёв, результатом которых стало возведение ещё одного укрепления – Головинского, командование отмечало храбрость «унтер-офицера Феликса Ордынского (из государственных преступников)» [Ракович 1900, 186]. Речь идёт о Феликсе Викентьевиче Ордынском, прибывшем из Сибири, где он оказался как осуждённый по делу о выступлении Литовского пионерного батальона. За боевые заслуги он будет повышен и получит чин подпрапорщика.

Это не единственный случай, когда осуждённые поляки продвигались по служебной лестнице. Достаточно вспомнить ещё об одном тенгинце – князе Романе Адаме Станиславе Сангушко. За участие в выступлении против российских властей он был лишён дворянства и всех прав состояния. Его отправили в Сибирь, а в 1834 г. перевели на Кавказ. Здесь у него появился шанс вернуть потерянный статус. За свои боевые заслуги он не только получил офицерский чин и право на отставку, но и в дальнейшем, уже при Александре II, возвратил свой титул. Похожая судьба была у Феофила Яковлевича Даниловского, который в мае 1831 г. попал в плен и был отправлен служить в Тенгинский полк унтер-офицером. В дальнейшем он дослужился до штабс-капитана и командовал ротой [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.954. Л.33 об.].

Отметим, что российская администрация рассматривала военные испытания как эффективное средство воспитания верноподданнических чувств среди нелояльных групп населения [Матвеев 2015, 211]. Поэтому для тех, кто готов был рискнуть жизнью, чтобы заслужить прощение, предоставлялась такая возможность. Среди поляков находилось немало отчаянных храбрецов, сумевших воспользоваться этим шансом, заслужить награды и продвижение по карьерной лестнице [Филипсон 2000, 161–162].

Тем временем освободившиеся части погрузились на корабли, чтобы высадиться на этот раз в устье реки Псезуапэ, где 7 июля 1839 г. был заложен форт Лазарева. Здесь предстояло нести гарнизонную службу 4-й мушкетёрской роте Тенгинского полка. А остальные силы были направлены на постройку промежуточного укрепления между Анапой и Новороссийском, названного фортом Раевского. Его оборону поручили 6-й мушкетёрской роте тенгинцев.

Многие чины полка были отмечены наградами за свои подвиги в эту кампанию. Так, упоминается поручик Миткевич, который был представлен

к ордену св. Анне VI степени с надписью «за храбрость». Орденом Св. Георгия был награждён «за отличия против горцев» Людвиг Матвееви Коретковский, бывший дворянин Августовской губернии, который был сослан на Кавказ [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.944. Л.185 об.].

Дальнейшая история полка будет связана среди прочего и с обороной прибрежных укреплений, которые будут непрестанно подвергаться нападениям со стороны горцев. По словам наказного атамана Черноморского казачьего войска, а в последствии командующего войсками правого фланга Кавказской линии Григория Ивановича Филипсона, поляки составляли десятую часть их гарнизонов [Филипсон 2000, 142]. На службу здесь смотрели как на каторгу. Отрезанные большую часть времени от остальных подконтрольных российской власти территорий, гарнизоны лишь изредка могли пополнять продовольствие и боеприпасы, увозить раненых и больных, получать подкрепление. Опаснее неприятельских пуль были болезни, приводившие к высокой смертности личного состава. Сохранилось немало документальных свидетельств, которые демонстрируют все тяготы жизни в условиях черноморского пограничья [Архив Раевских 1910, 423].

Серьёзным потрясением стало падение нескольких фортов (Лазарева, Головинского, Вельяминовского, Михайловского и Николаевского), захваченных неприятелем в феврале – марте 1840 г. [Клычников 2002, 483]. Ослабленные и малочисленные гарнизоны, несмотря на отчаянное сопротивление, не смогли отбиться от многократно превосходящих сил противника. Среди тех, кто до последнего оставался верен воинской присяге и погиб в бою были Марцелий Сторжинский, Войцех Яничиковский, Войцех Краснопольский, Ян Вечеркович, Виктор Родзиевский, Казимир Петрушкевич, Людвиг Черский, Томаш Буцек и др.

Были и те, кто в итоге оказался в плену у горцев и позднее был выкуплен или обменян у них. Среди них оказались рядовой Ефим Комаровский и Ян Вертохович служившие в форте Лазарева. Благодаря рассказам этих людей удалось узнать о гибели героических гарнизонов, чей подвиг не был забыт современниками и потомками.

За героизм, проявленный в отражении нападений на укрепления, получили награды Фердинанд Кочаровский, Бенавентур Козырский, Казимир Рожинский [Ракович 1900, Приложения 55]. Все эти факты заставляют усомниться в утверждении, что произошедшая трагедия была связана с предательством поляков-перебежчиков, сообщившим горцам о бедственном положении гарнизонов [Берже 1877, 277]. Г.И. Филипсон писал в своих воспоминаниях: «Беглецов к горцам было между поляками соразмерно не более

чем между русскими; сообщать же сведения могли бы как те, так и другие, если бы горцам нужны были эти сведения. С гор, которые возвышались над укреплениями, ... они могли видеть всё, что делается в укреплении до малейшей подробности» [Филипсон 2000, 142].

Без жертв людских потерь пресечь набег и работоторговлю в этих местах было невозможно. Свой вклад в дело умиротворения края внесли и те поляки, которые волей судьбы оказались на Кавказе и сочли для себя правильным выбрать в этом конфликте сторону России. Столкнувшись с местными реалиями, они, в большинстве своём, не захотели принимать сторону чуждого им горского мира, ценностные приоритеты которого оказались ещё более далёкими и неприемлемыми, в сравнении с державными порядками *Российской империи*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Раевских. 1910. Санкт-Петербург.
- Берже Адольф. 1877. *Защита Михайловского укрепления*. «Русская старина» № 6: 275–286. ГАКК. Государственный архив Краснодарского края. Фонд 260. Гражданская канцелярия командующего Правого фланга Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска.
- ГАРФ. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Клычников Юрий. 2002. *Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.)*. Пятигорск: Издательство ПГЛУ.
- Лапин Владимир. 2008. *Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв.* Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом».
- Лапинский Теофил. 1995. *Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев*. Пер. Гарданова В.К. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа».
- Марченко Алла. 1984. *С подорожной по казенной надобности*. Москва: Книга.
- Матвеев Олег. 2015. *Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки*. Краснодар: Эдви.
- Нечитайлов Максим. *Отдельный Кавказский корпус (1817–1864 гг.)*. (online) https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5441 (доступ 6.03.2021).
- Потто Василий. 1994. *Кавказская война: в 5 т. Т. 5: Время Паскевича*. Ставрополь: Кавказский край.
- Ракович Дмитрий. 1900. *Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846*. Тифлис.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 13454. Штаб войск Кавказской линии и Черномории расположенных.
- РГИА. Российский государственный исторический архив. Фонд 932. Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, князь.
- Ульянов Илья. 1996. *Регулярная пехота 1801–1855*. Москва: Издательство АСТ.
- Филипсон Григорий. 2000. *Воспоминания. 1837–1847. В: Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века*. Сост. Гордин Я. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда»: 76–197.

REFERENCES

- Arhiv Raevskih [Raevsky Archive]. 1910. St. Petersburg. (In Russian)
- Berzhe Adol'f. 1877. *Zashchita Mihajlovskogo ukrepleniya* [Defense of the Mikhailovsky fortification]. "Russkaya starina" no 6, pp. 275–286. (In Russian)
- Filipson Grigorij. 2000. *Vospominaniya. 1837–1847* [Memories. 1837–1847]. In: *Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka*. Ed. Gordin A. St. Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda", pp. 76–197. (In Russian)
- GAKK. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. Fond 260. Grazhdanskaya kancelyariya komanduyushchego Pravogo flanga Kavkazskoj linii i nakaznogo atamana Chernomorskogo kazach'ego vojska [State Archives of the Krasnodar Territory. Fund 260. Civil Chancellery of the Commander of the Right Flank of the Caucasian Line and the Order Ataman of the Black Sea Cossack Army]. (In Russian)
- GARF. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond 109. Tret'e Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii [State Archive of the Russian Federation. Fund 109. The Third Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. (In Russian)
- Klychnikov Yurij. 2002. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk, Izdatel'stvo PGLU. (In Russian)
- Lapin Vladimir. 2008. *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [The Russian army in the Caucasian war of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Evropejskij dom". (In Russian)
- Lapinskij Teofil. 1995. *Gorcy Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkazcev* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of the eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-bey), colonel and commander of a Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Transl. Gardanova V.K. Na'chik, Izdatel'skij centr "El'-Fa". (In Russian)
- Marchenko Alla. 1984. *S podorozhnoj po kazennoj nadobnosti* [From the road by the government's need]. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Matveev Oleg. 2015. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: From Front to Frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar, Edvi. (In Russian)
- Nechitajlov Maksim. *Otdel'nyj Kavkazskij korpus (1817–1864 gg.)* [Separate Caucasian Corps (1817–1864)]. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5441 (Accessed 6 March 2021). (In Russian)
- Potto Vasilij. 1994. *Kavkazskaya vojna. 1819–1846* [Caucasian war]. Vol. 5: *Vremya Paskevicha*. Stavropol', Kavkazskij kraj. (In Russian)
- Rakovich Dmitrij. 1900. *Tenginskij polk na Kavkaze* [Tengin regiment in the Caucasus. 1819–1846]. 1900. Tiflis. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 13454. Shtab vojsk Kavkazskoj linii i Chernomorii raspolozhennyh [Russian State Military Historical Archive. Fund 13454. The headquarters of the troops of the Caucasian line and Montenegro located]. (In Russian)
- RGIA. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 932. Dondukov-Korsakov Aleksandr Mihajlovich, knyaz' [Russian State Historical Archives. Fund 932. Dondukov-Korsakov Alexander Mikhailovich, Prince]. (In Russian)
- Ul'yanov Il'ya. 1996. *Regulyarnaya pekhota 1801–1855* [Regular infantry 1801–1855]. Moscow, Izdatel'stvo AST. (In Russian)

